

Инна Костяковская

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ

Печатная продукция «Ориан»
Все права автора защищены

Хайфа,
2013

Я там и здесь. Я вечный дежавю,
я пропадаю между городами,
я знаю, что тебя не долюблю
из-за дождей, что встанут между нами.

photographer: Ion Leonti

Инна Костяковская – современный израильский поэт, член Союза писателей Израиля, автор четырёх поэтических сборников: «На пороге истин», «На перекрёстке Судеб» (Хайфа, 2012г), «Храм Души» (Украина, 2012г), «Притяжение» (Хайфа, 2013).

Электр.почта автора:

innaroz1@yandex.ru

innaroz9@mail.ru

Философия жизни и философия любви

Инны Костяковской

Перед нами книга израильского поэта Инны Костяковской. Книга называется «**Философия любви**» по названию одной из частей книги. Всего же, подобно шестиугольной звезде Давида, в книге шесть частей. Начинается книга с эпиграфа, выражающего сомнения автора в своем праве, в своей правомочности говорить с читателем языком поэзии. В процессе чтения читатель постепенно становится свидетелем, как эти сомнения успешно преодолеваются благодаря его, читателя, вниманию и помощи:

Опять сомненье сердце гложет...

Зачем, кому нужны стихи?

Но не заметить невозможно

ко мне протянутой руки.

Первая часть книги называется «Я так торопилась жить...». Действительно ли здесь идет речь о какой-то торопливости, или здесь заложена некоторая поэтическая метафора? Мне кажется, что скорее второе, чем первое:

Зачем и для чего живу?

Что в жизни значу?

Во сне ли? Или наяву

по нищим плачу...

Таким образом поэт отвечает на наш первоначальный вопрос, о чем, собственно, книга. Не о торопливости, а о сочувствии и вдохновении:

*Что мы ищем? Что нам надо?
Только шорох листопада,
только музыки томленья,
только ритмы вдохновенья...*

Однако вдохновенье вдохновенью рознь. Даже, если в твоей душе горят по выражению автора «сто тысяч звезд», ты все равно не застрахован от ошибок. Что же тебя выручит в этом случае? Тоже сочувствие:

*И если ты оступился вдруг,
и никто не подал руки,
с небес заплачет твой лучший друг
слезами собачьей тоски...*

Поэта часто обуревают неуверенность и определенный скепсис. Что же набивать шишки, нам не в новинку:

*Иди вперед! Забудь о пустоте,
Она – внутри, а мир большой снаружи,
и если ошибешься в темноте,
ты упадешь в простор не глубже лужи...*

Часть заканчивается на оптимистической ноте, я бы сказал, обещанием и определенным гимном самой себе, свободной и творческой личности:

*Я поднимусь над суетой
лишь взмахом рук,
над той невидимой чертой
где нет разлук...*

Откроем вторую, судя по совпадению названий, главную часть книги. Любовь, любовная лирика сочатся из этой части, как если бы вы вдруг раскрыли очень спелый, сладкий арбуз:

*Когда ты не рядом – кончается свет,
Приходят и ночь и дождь.
Жду как подарка цветной рассвет,
в котором ко мне придешь.*

Адресатами стихотворений поэта становятся близкие и любимые люди, родные, например, дочка:

*Что на тебе сейчас надето?
Какая лента в волосах?
Моя прекрасная Джульетта,
кого сегодня видишь в снах?*

Но поэт не ограничивается своими современниками и родственниками. Не менее последних она любит ушедших гениев – Моцарта:

*Звучала музыка, звучала,
луну, как лодочку качала,
звучала музыка, звучала,
как жизни главное начало*

ушедшую страну – Россию:

*Слава Богу, дано летать
под этим небом синим,
любить надеяться и ждать
и вспоминать Россию*

прошедший день:
*Красный язык заката
слизывал пену дня,
может и виновата –
не удержать тебя*

даже свою собаку:
*Ты одна так преданно молчишь,
словно тайны все на свете знаешь,
только вздохи нарушают тишь.
Ты давно как человек вздыхаешь.*

От этой своей бесконечной любви ко всем, ко многим поэт буквально задыхается, доходит до предела:

*Все что захочешь –
возьми у меня!
Бессонные ночи,
истеричку дня,
краски рассвета,
дыханье залива –
все, что поэту
так необходимо.*

Перейдем теперь к третьей части книги под названием «Ночей бессонных мука...». От частных проблем любви и персональных отношений поэт обращается к философским проблемам психологии творчества и стихосложения:

*... мысли живут без меня прекрасно.
Собираются в строчки, а дальше в книгу,*

*тоскуют по уходящему в бездну мигу,
ждут праздника лета, потом дождей,
фиксируют разность, похожесть дней.
Они как птицы – летят куда-то,
к чужим рассветам, к чужим закатам,
в мир разных судеб, страстей и лиц,
на хрупких крыльях – лишь прах страниц.*

Или другое:

*В поэзии фантазия живет.
Сегодня – кошка, а вчера – волчица.
Метафоры волнительный полет
вдруг заполняет чистые страницы.
Плетет свои цветные кружева
разнообразным солнечным узором,
переплетая мысли и слова
перед моим недоуменным взором...*

Затем от размышлений о философии творчества
поэт переходит к раздумьям о смысле жизни:

*Жила я как умела,
что толку горевать,
давно познало тело
науку выживать.
Под тяжестью согнулась,
нет сил идти вперед,
а где-то чья-то юность
опять в кредит живет.*

.....

*А за окном – скворечник,
и лето впереди,
поговорим о вечном
в конце пути...*

Позабыл представить нашего поэта, как сильного, в прошлом, шахматиста. Четвертая часть книги «Размышления» начинается с некоей «шахматной» партии, в которую бывает иногда «втянута» жизнь обыкновенных людей, вовсе не шахматистов:

*Ферзей, Коней и Королей,
заметных и не очень,
снимают с шахматных полей,
как Пешек, между прочим.
Будь хоть Ферзем, хоть Пешкой будь,
пусть на тебе корона –
ты все равно закончишь путь
в коробке из картона.*

Конечно дело не в шахматах, дело в отношениях людей, которые, увы, не всегда развиваются по восходящей линии:

*Когда уходят главные слова
и губы холодеют от досады –
кончается привычная глава
и с этим просто примириться надо.*

Однако, призывает поэт, не надо отчаиваться – все в жизни повторяется, идет по кругу:
Вы, мне идущие навстречу,

*куда-то мимо,
не видите, как тает вечер
в волнах залива,
как меркнут звезды в поднебесье,
туман ложится,
когда умру я и воскресну –
все повторится...*

Размышления поэта о жизни продолжаются, переходят на новую, более высокую, философскую ступень, приходя к довольно жестким по отношению к себе выводам:

*Все что имеет начало,
имеет, увы, конец...
Корабль стоит у причала –
дальних морей гонец.
Мой же маленький парус
открыт попутным ветрам.
А, может быть, я останусь...
Зачем я такая там?
Упрямая, непокорная,
несущая ерунду,
обычная баба вздорная
с обидою на судьбу...*

Или в другом месте:
*Забудь о том, что душа парила,
о том, что кто-то дарил полмира.
Сегодня скупое в моей тарелке,
и мысли гадки, и чувства мелки.
Друзья уходят, не попрощавшись,*

закончен пир, так не начавшись...

Однако дождь всегда кончается, ветер стихает,
всегда, каждый день, наступает рассвет:

О чем сегодня шепчет ветер,

гуляя за моим окном?

Рассвет так долгожданно светел

и полумрак покинул дом.

.....

Я знаю – грусть моя напрасна.

Проходит все. Пройдет и это.

Но проступают чем-то красным

слова в тетради у поэта.

Поэт Инна Костяковская живет в Израиле, в городе Хайфа, про который говорят, что он работает, когда Иерусалим молится, а Тель-Авив веселится. Эти впечатления от работающего города и описывает наш поэт, подъезжающий к городу, который стал ему родным:

Не трави меня своим дыханием,

сильный город, ты со мною груб!

*Что ты мне ответишь в оправдание
черной дымки из гигантских труб?*

Облака на небе – жутким месивом,

только это мне мешает жить,

может быть, тоска белье развесила

на ветрах приморских подсушить.

К пятой части, названной «Я разгоняю тучи», поэт обретает свой действительный космический голос, обращаясь к Земле, Миру и Космосу:

*Выйти за грани света,
и далеко от Земли
из звезд собирать букеты
и их делить меж людьми.
Выйти и стать свободной!
От правил, любых клише
и от тенденций модных
дать отдохнуть душе.
Я разгоняю тучи,
черные тучи зла.
Сверху мне видно лучше –
значит, я мир спасла...*

Или другая «Картина мира» (название стихотворения):

*Печальна картина погибшего мира,
разбросаны кости последнего пира.
Цветок, что тянулся к свободе и свету
плывет по теченью в скорбящую Лету.*

Однако такой глобальный подход не отвращает поэта и от мелочей жизни:

*Все, что придумано мною – пустяк.
Так, мимолетная шалость,
так же кичится монетой бедняк,
что в старых штанах заваялась.*

Или другое стихотворение:

*И я брожу по тем вагонам:
- Подайте, братцы!
Я – нищенка! И мне законно
здесь побираться.
Все потому, что не хотела
жить материальным,
душа, горящая вне тела
огнем сакральным...*

Поэт обращается и к памяти ушедших талантливых современников (Ростропович, Вишневская), и вспоминает своих предшественников, образцов для себя, Марину Цветаеву, в частности, ее мотивы:

*Где вы, сплошные дуэлянты
былых страстей?
Где ваши яркие таланты
минувших дней?
Вы, музыканты и поэты,
и мудрецы,
где ваши зимы, ваши лета
и где венцы?*

В конце пятой поэтической части книги поэт умоляет свою музу и поэзию не уходить от него:

*Поэзия, не уходи!
Не уходи, разгонит тучи
свободный ветер точных рифм.
Мелодией былых созвучий
всю серость мира победив.*

В последней, шестой части книги «Все сильнее хочется жить...» поэт в некотором роде подводит итоги. Здесь очень много личных посвящений и обращений. Не будем гадать кто они – эти счастливицы Г.Ш., N.N., Ю.К. и другие. Мы можем только позавидовать им. Есть здесь также и прямое обращение к своему кумиру – Марине Цветаевой:

*Сколько пройти должно зим и лет?
Ведь целого века мало,
чтоб притупить эту боль, поэт,
боль, что в себя ты впитала.
Я пред строкой твоей молюсь,
как пред иконой...
Ты, впитавшая боль и грусть,
смотришь Мадонной.*

Но самая главная тема части – по-прежнему любовь:
*Я сегодня бескрыла.
Одиночества лед.
Все, что в тебе любила,
завтра во мне умрет.
Запах, дыханье, руки,
голос твой, взгляд и смех –
я отдаю разлуке,
я отдаю навек.
Все у нас слишком сложно.
Целый клубок проблем.
Жить без тебя возможно,
только скажи – зачем?*

Или так:

*Ты был главным причалом
в моей судьбе,
ты был важным началом
в моей борьбе.
Всегда многоточьем
в лучших моих стихах,
надежным и прочным,
изгоняющим страх.
Где былые порывы
строк летящих размах?
Тихо плакали лиры,
превращенные в прах...*

Часть и вся книга заканчиваются словами –
заклинаниями:

*Все сильнее хочется жить.
Этот воздух хмельной пить.
Видеть блеск любимых очей,
помнить жар бессонных ночей,
обещать, исполнять, любить.
Все сильнее хочется быть...
Все сильнее хочется стать...
Облака руками достать.*

Я же хочу вернуть, обратить к самой поэтессе ее
слова, предназначенные для читателя:

*Но, все-таки, дождись, придет пора,
на яркий свет слетится мошкара,
и ты забудешь одинокий ужин.
Пока ты есть. Пока ты жив. Пока ты нужен...*

Дождитесь нас, своих настоящих читателей,
дорогой и хороший поэт Инна Костяковская!

Ефим Левертюв,
*литературный критик,
Санкт-Петербург.*

*Опять сомненье сердце гложет...
Зачем, кому нужны стихи?
Но не заметить невозможно
ко мне протянутой руки.*

*Путь аллегорий выбираю,
мучительно, внутри дрожа...
И я опять иду по краю,
иду по лезвию ножа.*

***Я ТАК ТОРОПИЛАСЬ
ЖИТЬ...***

Я знаю точно,
что жизнь есть борьба.
Проверка на прочность
и сердца, и лба.
Я точно знаю,
что жизнь – полет,
уставшая стая
летит вперёд.
И каждый ищет
свои высоты,
а ветер свищет
и жмёт к болоту,
заносит пылью
до неприличья –
размахи крыльев
у всех различны.

Вся жизнь - метафора, обман,
иллюзия и тьмы и света...
и кровь, текущая из ран
философа или поэта,
опять распятых на крестах,
несущих тягостную муку,
за то, что в музыке, в стихах,
нам грешным, протянули руку.

Стирать, без жалости стирать
строку, что не годится.
Мы сами вправе выбирать
слова, поступки, лица.

Богов из глины создавать,
потом на них молиться...
Мы сами вправе выбирать
слова, поступки, лица.

А если вышло все не так
и ноет под ключицей.
Забудь. Пойми – вся жизнь пустяк –
слова, поступки, лица...

Легко ли быть Богом?
Творить в огромных масштабах
в нашем мире убогом
в развалинах и ухабах?
Легко ли быть Богом,
смотреть на свои творенья,
печально и строго,
без малой тени сомненья?
И даже не обозлиться
на глупых, пустых человек.
В них каждый раз повториться
от века к веку...

Мне снилась нищенка одна,
стоящая в воротах Храма,
в ее глазах была видна
вся нашей брэнной жизни драма.

И в облике её – мольба,
и столько горя,
но мимо двигалась толпа,
людское море.

Зачем и для чего живу?
Что в жизни значу?
Во сне ли? Или наяву
по нищим плачу...

Жизнь улыбается не всем –
лишь единицам!
И ищешь собственный Эдем
в глазах и лицах!

Находишь и теряешь вновь
блаженство рая,
значение слов, значение снов
не понимая...

Из всех понятных величин
есть тайна мига,
ты – раб его и господин,
вот где интрига!

Что мы ищем? Что нам надо?
Только шорох листопада,
только музыки томленья,
только ритмы вдохновенья...
вкус любви, душевной муки,
жизни запахи и звуки.
И свечи огонь сакральный
в час молитвы поминальной...

Тайна хайфского залива,
изумруд пьянящих волн,
и протяжный, до надрыва,
над водою чаек стон.

Корабли стоят у порта –
островки далеких стран,
за чертою горизонта
жизнь – иллюзия, туман...

Я так торопилась жить,
летела всю жизнь куда-то,
что эту цветную нить,
которой сшиты закаты,
капли дождя, рассветы
я потеряла где-то,
где-то на полпути,
где-то в далёком лете...
Как мне её найти
на чёрно-белом свете?

Стареть, я думаю, не страшно
лишь первые сто двадцать лет,
потом останется бумажный,
хоть маленький бумажный след...
И где-то из других простраций,
в раю... в аду ли за грехи
к нам обязательно явятся
давно забытые стихи...

Когда ты смог услышать Бога?
Поведай мне, скажи, когда?
Тебе открыла двери йога
или священная вода?
В каком ты Храме причащался?
Какие свечи зажигал?
В каком обличии являлся
тот, кто тебя так долго ждал?
В какой молился синагоге,
в какой мечети падал ниц?
Скажи мне, где твои дороги,
твои и Господа сошлись?

На город опускается туман
и корабли у порта накрывает,
и новый этот день, что Богом дан,
от нас сегодня в дымке уплывает.

Растают и исчезнут навсегда
улыбки, голоса и чьи-то лица,
дороги, перелески, города,
чтоб никогда нигде не повториться...

Когда умирает бездомный пёс,
то с ним умирает мир,
и мало толку, что кости ты нёс,
на главный собачий пир.

И даже если в твоей душе
горят сто тысяч звёзд,
ты продолжаешь жить по клише
дорог, ошибок, вёрст.

И если ты оступился вдруг,
и никто не подал руки,
с небес заплачет твой лучший друг,
слезами собачьей тоски...

Мне бы песней журавлиной
спеть тебе
о морях, холмах, равнинах,
о судьбе,
о палящем, жгучем солнце,
о песке,
и о том, что жить придётся
мне в тоске...
Пропадать в своей берлоге
от бессилья,
потому что только ноги,
а не крылья!

Скажи-ка мне, какие главы
ты впишешь в эту повесть, жизнь?
Забвенья век, мгновенье славы,
строкой изложенную мысль?

Какие вспомнишь ты напевы,
какие ноты не возьмёшь?
И на листке, в пространстве белом
ты ляжешь тенью? Бросишь в дрожь?

А я уйду, не беспокоясь,
не нужно знать, что будет завтра.
Жизнь – недописанная повесть,
а я лишь неизвестный автор.

Я прошлое не ворошу,
я тихо плачу,
я подаяний не прошу,
прошу – удачу!
Я не прошу простых дорог,
и легкой славы,
моя душа, мой мозг, мой Бог –
имеют право
на то, что сердце жгла огнём,
тоска гремучая...
мы для чего-то все живём
по воле случая...

Иди вперёд! Забудь о том, что жизнь
скорее мост дороги в бесконечность,
за поручни моста держись,
и не смотри по сторонам – там млечность.
Там только мрак, обилие дождей,
потоп вселенский, что смывает цвет,
с твоих весёлых или грустных дней,
с твоих веселых или грустных лет.
Иди вперёд! Забудь о пустоте,
Она – внутри, а мир большой – снаружи,
и если ошибешься в темноте,
ты упадешь в простор не глубже лужи...

Из всех свобод
милей всего свобода
пылающего на рассвете дня,
сирени, отцветающей у входа,
свобода ветра, моря и огня.
Из всех свобод я выбираю эту,
пусть в жизни всё всегда наоборот.
Она одна, доступная поэту,
из всех недостижимых свобод...

У каждого своя дорога к Богу,
и не свернуть.
Пусть через боль, сомнение и тревогу,
проходит путь.
У каждого своя дорога к Храму,
и свой Синай,
чем ближе к главному финалу,
тем ярче край,
в котором я одно мгновенье,
цвела, горела,
и кончится хитросплетенье
души и тела.
Я поднимусь над суетой
лишь взмахом рук,
над той, невидимой чертой,
где нет разлук...

Человек – сам себе – Храм.

Человек – сам себе – Бог.

Выноси из души хлам,
просто вынеси за порог!

Человек – сам себе – Храм.

А алтарь – совесть и честь.

А без этого жизнь – срам,
где главенствуют ложь и лесть.

И другой дороги нет.

Поймёт – только дайте срок.

Человек – сам себе – Свет!

Человек – сам себе – Бог!

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ

Глядящие в одно большое небо,
мы видим разное – фантазия ведёт...
Ты – облако, как рваный ломтик хлеба,
а я – корабль, что покидает порт.

Рисунок неба, он всегда статичен.
Меняет краски и оттенки цвета.
И потому – союз наш гармоничен,
мы – « лёд и пламень», мы – зима и лето!

Когда ты не рядом – кончается свет.
Приходят и ночь и дождь.
Жду как подарка цветной рассвет,
в котором ко мне придёшь.

И мне не надо идти к врачу.
Проходят и грусть и боль.
Знай, что я душу тобой лечу.
Всегда одним тобой.

Новый день приходит как награда,
потому что ты со мною рядом.
Новый день сомнений и волнений.
Новый день твоих прикосновений!
Почему же стало всё трудней
погружаться в суматоху дней?
Слышать бег секундной стрелки,
видеть осени оттенки...

Улица. Грязь и серость.
Всем миром забытый дом.
Знаешь, как мне в нём пелось?
И как мне дышалось в нём!

Ветра, дождя и града,
мелодий небесных труб
мне бояться не надо,
прогнозы сегодня врут!

Ты зажигаешь солнце,
гасишь его под вечер,
когда рукой коснёшься
и обнимаешь плечи...

Расстояние

Жизнь и смерть... Я всё с избытком,
всё познала в горький час,
в час, когда казалось пыткой
расстояние для нас.

Поздно мне просить прощенье
за явленье листопада,
ставить наспех угощенье
поздно. И совсем не надо.

Я тебе верну сторицей
всё тепло, что задолжала.
Дай с дороги мне напиться
и вонзи обиды жало!

Ты знаешь, лгать я не могу!
Когда ты есть! Когда ты рядом!
Ты знаешь, я вообще не лгу.
Зачем? Какого смысла ради?
И мановением руки,
без сожаления, не глядя,
я порвала черновики –
из прошлого свои тетради...
Я в них нетвёрдою рукой
ещё писала как попало,
в них мой остался непокой,
в них много чувств, а смысла мало.
И вот, когда приходит зрелость,
нам предъявив свои права,
не надо вспоминать, как пелось,
и как кружилась голова,
когда за мною летели тени
и догоняли на бегу,
теперь от всех моих волнений
осталось главное – « не лгу!»

Что между нами? Линии строк?
Ветер, несущий один песок?
Колокола? Минарет вдали?
Тусклые окна и фонари?
Спарта? Троя? Афины? Рим?
Наш Колизей стал давно другим.
Жизнь не сцена – коварней и злей,
из мелких пешек творит Ферзей,
играет с нами нечестный блиц,
стирает вмиг все улыбки с лиц...

«Звон золотых браслетов»
и на моём был веку...
Я, любившая лето,
скучаю по сквозняку...
Судьба на переломе
когда тебе за сорок,
в твоём холодном доме
от зеркала осколок.
В твоей крови горячей –
лишь яд воспоминаний.
Я «не зову, не плачу»,
душа давно как камень...

Я прошу тебя:
«Не порви струну!»,
холод декабря
заковал страну!

На календаре
числится апрель,
только в декабре
я живу теперь...

Потому что лёд
этих серых глаз
с болью струны рвёт
мне в который раз!

Ю.К.

Ты, всегда вперёд смотрящий,
сохраняющий огонь,
между нашим настоящим
наше прошлое не тронь.

Было разное, не скрою,
только не оставь одну,
потому так часто вою
я на полную луну.

От волчицы все повадки
надо мне в себе убить,
шерсть вдруг делается гладкой,
по ночам не стану выть.

И тебе, мой самый нежный,
дам накинуть поводок,
и собачкою прилежной
у твоих улягусь ног...

Если мысли и чувства врут,
если холодно в жаркий день,
быть счастливой – особый труд
в этом мире одних теней.

Видишь берег большой реки!
Не попасть туда. Не зовут.
Жаль, никто не подаст руки.
Быть счастливой – особый труд.

У любви столько крепких пут.
Столько слов, столько нежных строк.
Быть счастливой – особый труд.
Быть счастливой – особый рок...

За всё спасибо! За тепло,
за нежный взгляд, за ласковые руки,
за то, что всем дождям назло,
в нас не вселилась пустота разлуки.

За то, что мы близки как никогда,
друг друга понимаем с полуслова.
Нас часто разлучают города,
но расстоянье для души условно.

За всё спасибо! И пока вдвоём,
мне не страшны туман и гром с небес.
Любви не исчерпаем водоём,
лишь это на земле имеет вес!

Чувства проверяются в разлуке
и тогда – торжественный финал,
понимаешь, вовсе не от скуки
ты разлуку с мукой рифмовал.

Чувства проверяются в разлуке.
И мне в сто раз дороже и родней
твои ко мне протянутые руки
сквозь эту бездну одиноких дней.

Чувства проверяются в разлуке,
просто измерение другое...
Ждешь ты в каждом шорохе и звуке
стук шагов кого-то дорогого.

Ты на другой планете.
Ты где-то за сотни вёрст,
как тяжело поэту
думать об этом всерьёз.

Ты от меня не близко,
день подошёл к концу
и облака так низко,
и грусть не идёт к лицу.

Грусть – дорогая плата
за одинокий вечер,
но, всё же, назло закатам,
утром мне станет легче!

Дочке...

1

В комнате твоей пустой
только запах парфюма,
пахнет фиалкой лесной,
кукла смотрит угрюмо.
Разбросаны по углам
вещи твои и обувь,
этот вечный бедлам,
тронь, попробуй.
И этот особый запах,
который впитали стены!
Выходит окно на запад,
на крышах крестом - антенны...
Мне так без тебя плохо,
мне так без тебя грустно,
но ты не слышишь вздоха,
но ты не щадишь чувства...

2

Что на тебе сейчас надето?
какая лента в волосах?
Моя прекрасная Джульетта,
кого сегодня видишь в снах?
Кого до умопомраченья
ты будешь бешено любить,
обманом слуха или зренья
в какие ранги возводить?
Кому отдашь свои надежды,
кому подаришь бурный нрав,
вдруг станешь ласковой и нежной,

всю женственность в себя вобрав.
Ты спишь, ты так спокойно дышишь,
ещё наивное дитя,
ты ангелов ночами слышишь,
и говоришь о них, шутя.
Кончается судьбы беспечность,
наверное, в семнадцать лет,
и ощущаешь быстротечность
и поражений и побед...

З

Я смотрю как будто в зеркало.
В обычное зеркало прошлого.
Вижу даже самое мелкое
из плохого и из хорошего.

Молодая, смелая, дерзкая,
убегаешь куда-то в ночь,
на ходу бросив что-то резкое.
Моя непутёвая дочь...

Как прекрасны твои движения,
как протяжны и смех и стон.
Я гляжу на своё отражение,
в глубине зеркальных волн...

Близость

Растасканы по углам
прошлых страстей амбиции.
Разрушен надежды Храм.
Но он по ночам мне снится.
Как солнечно было в нём!
Как нежно в нем птицы пели.
Мы были тогда вдвоём.
Тогда мы любить умели.
Разрушен последний Храм.
Мы оба – на пепелище...
Лишь память осталась нам.
Так что мы сегодня ищем?
Пристанище? Берег? Порт?
Тепла для души и тела?
Звучал последний аккорд
и музыка вдаль летела...

Мы распрощались так легко с любовью,
подумаешь, перегорит... пустяк,
так со своею обветшалой кровлей
без сожаления прощается бедняк,
так расстаются птицы в поднебесье...
Морские волны так прощаются с закатом.
Сосуд, наполненный таинственной смесью,
не сохранили. Оба виноваты...

1985г

Ты явишься забытым, нежеланным
в мой старый дом, где я тебе не рада.
Как от тебя разит угаром пьяным
и на лице – морщины листопада.

Прошло так много тихих, бурных лет.
Перемешались Вавилон и Мекка.
Ты знаешь, я давно уже поэт,
сама не знаю из какого века.

Моцарт

Звучала музыка, звучала,
луну, как лодочку качала,
звучала музыка, звучала,
как жизни главное начало.
Её готова вечность слушать,
она лечить умеет душу.
И звуки – чистые капли,
с небес в ладонь мою летели,
на коже таяли горячей...
Как быть могла такой незрячей?
Не понимающей – откуда
приходит в мир явление чуда!

России...

Слава Богу, дано летать
под этим небом синим,
любить, надеяться и ждать
и вспоминать Россию.

Слава Богу, дано глотать
воздух пустынь и моря,
Слава Богу, умею ждать
тебя на границе горя.

У той, понятной лишь мне черты,
с годами ставшей точкой,
увидю всё, что скрывала ты
под грубою оболочкой...

Поверженных драконов
былых ассоциаций,
как стриженных газонов
нам лучше не касаться.

Но как испачкан грязью
цветной узор ковра,
привыкнуть к безобразью
давно уже пора.

Мы так свежи и юны
под грузом бранных дней.
Жизнь нам ломает струны,
а мы ещё сильнее...

Жизнь состоит из вопросов,
в этом сомнения нет,
что каждый поэт – философ,
каждый философ – поэт...

Удача, везенье, случай,
низины, вершины гор.
Себя и других замучай,
о вечном вступая в спор.

Стихами, музыкой, прозой
ищи свой главный ответ.
Каждый поэт – философ,
каждый философ – поэт...

Я навсегда с тобой.
Запивая томатным соком
нашу общую боль,
опять говоришь о высоком.

Глаза поднимаешь к небу,
словно ответов ждёшь,
не только насущным хлебом,
чем-то другим живёшь.

Я же – совсем другая.
Мне не летать, не петь,
мне бы кусочек рая
рядом с тобой иметь...

Шла годами трудными
в этот тихий рай,
лето безрассудное
мне не обещай.

Не дари мне ландыши,
белый шелк зари,
дней цветные вкладыши
лучше подари!

В мире слишком сером
станет вдруг теплей,
мы раскрасим мелом
всю палитру дней!

Глаза твои печальные.
Слова, с укором брошены,
рассыпались нечаянно,
как мелкие горошины.

Глаза – в них боль отчаянья.
Слова – всё так же ранят.
И ничего случайного
не сохраняет память.

И я стою, убитая.
И бездна между нами.
Тобой давно забытая.
Забытая? Едва ли...

Красный язык заката
слизывал пену дня,
может, и виновата –
не удержать тебя.

Ты из моих объятий
вырвешься на простор!
Может, и виновата –
вечный с собою спор!

Я тебя отпускаю.
Милый, родной, лети!
Мне же – идти по краю
и зависать в «Сети»...

Я обещаю тебе
говорить о прекрасном,
даже если в судьбе
лист измазали красным,

даже если кровавые
слёзы из глаз,
пропою я за здоровье
мыслей и фраз!

Даже если друг
отвернётся,
боль разлук
не погасит солнце.

Или моря
зелёную гладь
с ветром споря,
пойду воспевать.

А стихи – это мука, крест...
с одиночеством пополам.
И тоска пусть душу разъест –
эту боль никому не отдам...

Где ты, мой рыцарь
в сиянии лат?
Тот, кто мне снится
все годы подряд...

Тот, кто мне снится
об этом не знает,
что он из темницы
красавиц спасает.

Где ты, мой рыцарь,
близко, далёко?
В памяти рыться
всегда одиноко.

Просто листаю
жизни страницы,
и повторяю:
«Где ты, мой рыцарь...»

Лизочке, моей собачке...

У тебя в глазах собачья грусть.
Я ее читаю без подсказки.
Тащим мы вдвоём нелегкий груз.
Как тебе, мне не хватает ласки.

Ты одна так преданно молчишь,
словно тайны все на свете знаешь,
только вздохи нарушают тишь.
Ты давно как человек вздыхаешь.

И откуда этот грустный взгляд?
что мне с этим делать, в самом деле?
Мы похожи... так мне говорят.
Грусть в глазах. И в голосе. И в теле.

Еще один сентябрь
моей дороги в осень
и душу мне свербят
ненужные вопросы.

Ответы как беда,
сентябрь не принимаю,
дорогой в никуда
я снова пропадаю.

Где ты, мой верный друг,
поэт, певец, философ?
Есть в ласковости рук
ответы без вопросов.

Не верьте многоточью,
ведь всё, что не досказано
и днём и темной ночью
одним узлом повязано.

Одною ниткой сшитое,
и в дальний шкаф уложено
когда-то пережитое –
правдивое и ложное.

И я – святая грешница,
ищу в шкафу свой клад
и снова мне мерещится
наш первый листопад...

Всё, что захочешь –
возьми у меня!
Бессонные ночи,
истерика дня,
краски рассвета,
дыханье залива –
всё, что поэту
так необходимо.
Рад ли подарку?
Доволен, скажи?
Жизни не жалко,
вся жизнь – миражи...

Утро так безмятежно,
ласково, как прибой,
утро бывает нежным,
если оно – с тобой.
Дует прохладный ветер,
слёзы стирая с глаз,
главное, чтоб заметил,
что я с тобой сейчас.
Если любить – до боли,
до колик, до хрипоты,
весь мир – на моей ладони,
если со мною ты...

Ю.К.

Ты – гордая птица,
ты мной окольцован
и дней вереницей
ко мне ты прикован.

Ты – гордая птица,
но слишком ранимый.
Как мне не влюбиться
в твой крик журавлиный!

Таинственной смесью
наполнен до края.
С тобой равновесье
души я теряю.

И падаю в омут
страстей и желаний,
выискивать повод
для новых признаний.

НОЧЕЙ БЕССОННЫХ МУКА

Не понимаю, почему,
откуда, для чего мне это,
глядеть на бледную луну
и называть себя поэтом.
И снова бредить по ночам,
дышать строкой, сомнением мучась,
выбрасывать рожденный хлам
и создавать. О, эта участь,
для нас давно предрешена,
и знает только провиденье,
зачем и для чего дана
строфа. И ночь. И вдохновенье.

Ночей бессонных мука
для тела и души,
из замкнутого круга
ты выбраться спеши.

Рассвет погасит звёзды,
дрожит в окне сирень,
и рано или поздно
кончается апрель...

Кончаются улыбки.
Кончаются слова.
Струна далёкой скрипки –
тугая тетива.

Всё как бы, между прочим,
она ласкает слух...
И все напевы ночи
впитал бессонный дух...

«28 января – день смерти Иосифа Бродского»

Кому сейчас поэзия нужна?
Когда в почёте грубые подделки,
гармония становится чужда,
слова и чувства так обидно мелки...

Кому нужны души твоей мотивы,
летающие куда-то за моря,
пропали Музы и умолкли Лиры,
замерзла песнь на дате января.

Но остаётся призрачная нить,
пусть паутинкой тонкой на балконе...
И хочется стихами говорить
в последнем вздохе, крике или стоне.

поэтам-эмигрантам...

Разъехались, а, может, разбежались
по разным странам, городам и весям,
и только песни нежные остались
нам в этом мире, что безумно тесен.

И даже рифм призывное звучание,
печальных нот загадочный мотив,
не оправдает полное молчание
меж рейсами Москва и Тель-Авив.

И наши книги, никому не нужные,
в картонных склепах спать обречены,
не отвечает даже мнимой дружбою,
язык, с которым мы обручены...

Клетка

Я чередой обыкновенных дней
пыталась от себя отгородиться.
Нет ничего печальней и страшней
чем загнанная в пятый угол львица.

Грызу без остановки только кость.
А мясо достаётся тем, кто круче.
Когда-то это вызывало злость.
Сейчас – брезгливость. Что, поверьте, лучше.

Фантазии простор и мир – велик!
Что для меня три метра старой клетки.
Когда урчанье переходит в рык,
не остановят ни замки, ни плети...

На Кармели облака лежат,
накрывая гору одеялом,
между облаками лес зажат,
надо мною – небо океаном...

И опять кружится голова,
и опять приходит вдохновение,
и идут слова, слова, слова...
от первого к листу прикосновения.

Грустно и холодно. А за окном
ветер поёт романсы,
там, где кончается окоём
страсти, загадки, транса.

Дух мой капризный! Тебе летать
над облаками лета,
всё, что захочешь – сейчас сказать,
прежде, чем канешь в Лету.

Майской грозы необычный гул,
она так странно пела...
всё, что звучанием слабых струн
я наиграть не смела...

Мы всё-таки имеем право
на сказанное нами слово,
плетётся под ногами слава,
о, это чувство всем знакомо.

И путы связывают руки,
так было и так будет впредь,
но наши мысли, наши муки
уходят в неземную твердь...

Я бы даже сказала, что мыслить – опасно.
Только мысли живут без меня прекрасно.
Собираются в строчки, а дальше – в книгу,
тоскуют по уходящему в бездну мигу,
ждут праздника лета, потом – дождей,
фиксируют разность, похожесть дней.
Они как птицы – летят куда-то,
к чужим рассветам, к чужим закатам,
в мир разных судеб, страстей и лиц,
на хрупких крыльях – лишь прах страниц.

На окраине мира,
или в центре его,
эмигрантская лира
ждёт певца своего.
На окраине света,
где кончается мир
поглощает поэта
одиночество дыр.
Измельчит до презренья,
перемелет на пыль,
мысли, стихотворенья
превращая в утиль...

Стихи – невыгодная сделка
между тобою и бумагой.
И мысль, как бешеная белка,
пугая собственной отвагой,

всё крутится. И так мешает,
и не даёт тебе уснуть,
и подсознание повторяет
всегда один и тот же путь.

Слова идут сплошным потоком,
не запретить, не удержать.
И потому так одиноко
любить, надеяться, страдать.

Слёзы

Забудь про гром и грозы,
зависть и прочий бред,
слёзы – чистые росы
главных твоих побед.

Слёзы – твоё лекарство,
даже сомнений нет,
слёзы – твоё богатство,
как ты богат, поэт!

И вновь слеза застыла,
Взгляд – печально-мутный.
Слезка – рожденье мира
тихим весенним утром.

В поэзии фантазия живёт.
Сегодня – кошка, а вчера – волчица.
Метафоры волнительный полёт
вдруг заполняет чистые страницы.
Плетёт свои цветные кружева
разнообразным солнечным узором,
переплетая мысли и слова
перед моим недоуменным взором...

Мысли... они как дети,
уходят от нас куда-то.
Мысли, они как ветер
на алом гребне заката.

Другим подвластны силам,
у них иной размах.
Идут к своим вершинам,
нас превращая в прах!

Я не опускаю планку,
ни себе, ни вам не лгу.
Всё – наружу, наизнанку,
на ходу и на бегу.
Опоздать имела свойство
на последний самолет.
И моё мироустройство
где-то в облаках плывёт.
Научиться бы не злиться.
Рейс последним был? Пустяк!
И летит стальная птица
без меня на мой маяк...

Почему же в безумии ночи
всё страшнее, всё тягостней сны?
Что они мне опять напророчат,
доживу ли до новой весны?

Подсознанием диктуется строчка,
что на белом пространстве умрёт,
где поставится главная точка,
или сон мне безжалостно врёт?..

Что подарят мне утро и вечер?
Что отнимет грядущий закат?
Плачут воском шabatные свечи,
значит, с Господом вновь говорят...

Когда к тебе идёт стихотворение,
назойливо стучась в твои виски,
мир замирает на одно мгновение
по мановенью пишущей руки.

Мир замирает, чтобы стать бесшумным,
не слышным, не пугающим совсем.
И вот уже летят потоком бурным
слова... разнообразьем чувств и тем...

Как мне в стихах не повторяться –
В окно врывается рассвет!
Ах, это чудо декораций!
И ничего прекрасней нет!
И мысли обретают слово
и начинается полёт...
Летать и падать я готова,
когда Поэзия зовёт!

Небо! Опять посылаешь знак!
Потери и встречи закономерны,
и я спускаю цепных собак
на тех, в ком чувствую запах скверны.

Но я не должна судить ни ближних
своих, ни тем более дальних.
Умри во мне, не рождённый стих,
мелодией нот печальных...

А завтра будет опять весна,
и тысячу раз повторится...
даль облаков для души тесна,
душа моя – певчая птица...

Всё, что мне остаётся –
это верить и ждать,
учат море и солнце
как тоску побеждать.
Как забыть о погоде,
о тревоге забыть,
быть наивной не в моде,
но как хочется быть!
Я всё та же девчонка,
и умею мечтать...
пробивается в чёлку
серебристая прядь...
Почему так умело
ты мне, зеркало, врешь?
Отдаю тебе тело.
Только душу не трожь...

Жила я как умела,
что толку горевать,
давно познало тело
науку выживать.

Под тяжестью согнулась,
нет сил идти вперёд,
а где-то чья-то юность
опять в кредит живёт.

Не побежать вдогонку
ни музам, ни ветрам,
и мучишь перепонки
заученностью гамм,

А за окном – скворечник,
и лето впереди,
поговорим о вечном
в конце пути...

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Не важно, кем ты в жизни был,
каких высот достиг,
жизнь испаряется, как дым,
как наважденья миг.

Ферзей, Коней и Королей,
заметных и не очень,
снимают с шахматных полей,
как Пешек, между прочим.

Будь хоть Ферзём, хоть Пешкой будь,
пусть на тебе корона –
ты всё равно закончишь путь
в коробке из картона.

На выставке работ Сальвадора Дали

1

В каких краях блуждал твой дух мятежный?
И кто водил рукой твоей?
Ты видел землю не больной и грешной,
ты воспевал гармонию на ней.

О, гении глядят на мир иначе,
у них другой, непостижимый взгляд,
и потому смеёмся мы и плачем,
когда твои творенья говорят...

2

О, эти розы от Дали,
цветут – сегодня, завтра – вянут,
мечты цветные корабли
на дно морское также канут.
Полупрозрачные тела,
их невесомость – мне обуза,
я б всё на свете отдала,
чтоб не плестись с тяжелым грузом,
чтоб не тянуть громадный шлейф,
обид, ошибок и сомнений.
С картины улыбнулся эльф.
Так раньше улыбался гений...

Потеря

Когда уходят главные слова
и губы холодеют от досады –
кончается привычная глава
и с этим просто примириться надо.

И нужно книгу памяти закрыть,
не вырывая из неё страницы,
но только сердце продолжает ныть
и по ночам всё так же мама снится...

Чёрный пёс

Она вела его на красном поводке,
девчонка лет шестнадцати, не больше,
браслеты бряцали на тоненькой руке,
и потому рука казалась тоньше.

Подумалось, что все на свете драмы
успел увидеть этот чёрный пёс.
Что все людские беды и обманы
в трехлапом теле он покорно нёс.

Он шёл в своем трехмерном измереньи,
не спотыкаясь, медленно и гордо,
а мне хотелось просто с извиненьем
прижаться к этой грустной черной морде.

Три лапы пса. Вдруг вспомнился Хайям:
ценить, что есть всегда по жизни надо.
Как часто то, что не понятно нам,
понятно псам с таким тяжелым взглядом...

Мой край загадок и ошибок,
дождей и гроз,
край исчезающих улыбок
и вечных слёз.
Испепеляешь знойным летом,
тоской пустынь,
ты, божьей милостью согретый –
в душе – один...
Я знаю – есть края богаче,
и есть сытней,
Но стану так или иначе
землей твоей...

О душе...

Мы выходим из Египта,
в нужный час,
на старинных манускриптах
вечность фраз...
Убежать навек от рабства,
в край добра,
в собственном твоём пространстве –
нет раба,
нет ползучей рабской сути,
яда змей.
Ты, рожденная в галуте,
лишь сильней.

Вы, мне идущие навстречу,
куда-то мимо,
не видите, как тает вечер
в волнах залива,
как меркнут звёзды в поднебесье,
туман ложится,
когда умру я и воскресну –
всё повторится...

К харедим

Ещё не все слова забыты,
мой русский жив, поверьте, жив!
И пусть молитвы на иврите –
душа поймёт любой мотив.

Я принимаю вас без отчеств,
без переводов, без границ,
как приняла язык пророчеств
библейских уникальных лиц...

Я всё время в пути,
среди дождей и тревог,
я пытаюсь найти,
в перекрестках дорог
город светлых надежд,
город розовых снов,
без ухмылок невежд,
без ругательных слов.
Там играет весна
с ветром утренний блюз.
В эти ночи без сна
я в пути заблужусь.

О Хайфе...

Шумный город! Лица, лица
и чужие голоса.

Как мне в нем не заблудиться,
не нажать на тормоза?

Город разноликих нравов,
ярких праздничных витрин,
громыхающих базаров,
и пасхальных сладких вин.

Ночь его – чернее бездны,
день его – волшебный сон,
я умру в нём и воскресну,
всем надеждам в унисон...
стану я дорожной пылью,
мокрым следом на песке,
чайкой, что расправив крылья,
исчезает вдалеке...

Возвращаясь в Нацрат Илит...

Старый дом. Зелёная беседка.
И котов бездомных хоровод.
Здесь они прикормлены соседкой
вот уже какой по счёту год.

Старый дом, разрушенный годами...
Ветхие и стены, и забор.
Всё скитаюсь между городами,
всё крадусь, как призрак или вор.

Для тебя я стану только тенью,
ветром, что живёт в твоих кустах,
шаг направо – верный путь к забвению,
шаг налево – кладбище в крестах...

Кто заметит наших душ свечение?
Кто подаст, кто не подаст руки?
Так забудь своё предназначение
в городе туманов и тоски.

Одиночество

*«...но никто не знает, что на свете
нет меня уже давным-давно...»*

Вероника Тушнова

Во дворе играют шумно дети,
смотрит мама старое кино,
*но никто не знает, что на свете
нет меня уже давным-давно...*
Письма есть, тетради, даже книги,
есть одежда, обувь и духи,
только я исчезла в этом миге,
в миге, где рождаются стихи.
Кончился запал и пыл душевный
по дороге в солнечный рассвет,
голос мой – дрожащий, громкий, нервный,
и тебя уже со мною нет.
Бьёт в окно полуденное солнце,
но ничто не умаляет грусть,
кто с душой моею разберётся,
если я сама не разберусь?..

Отцу...

Прости мне, папа, что могила
твоя не рядом,
прости, что я не подходила
к её ограде...

Не класть цветов на твой погост,
не помолиться...
нас разделили сотни верст,
моря, границы...

А ты остался – небыль, был
в далеком детстве,
и только книжных полок пыль
твое наследство...

Всё, что имеет начало,
имеет, увы, конец...
Корабль стоит у причала –
дальних морей гонец.
Мой же маленький парус
открыт попутным ветрам.
А, может быть, я останусь...
Зачем я такая там?
Упрямая, непокорная,
несущая ерунду,
обычная баба вздорная,
с обидою на судьбу...
Волны шумят игриво,
солнце слепит глаза,
на берегу залива
мне прозябать нельзя...

Когда друзья каждый раз предают –
привыкаешь к этому. Не обидно.
И понимаешь, что мир – царский шут,
который тебя называет быдлом.

Ты уползаешь – загнанный зверь,
зализывать новые раны,
и длинный список твоих потерь
тебе покажется малым

злом. Всё потому, что настал черёд
крестов. И быть нам на них распятыми...
Основа основ – движенье вперёд
виновных с виноватыми...

Друзья уходят...

Друзей снимаем мы с пьедесталов,
бриллианты стали мутней кристаллов,
за словом слово ложится в строчки,
читают многие, кроме дочки.
В нашей стране сплошного абсурда,
не лечит даже и Кама Сутра,
и если тебе заняться нечем,
ты тупо жди свой вчерашний вечер.
Забудь о том, что душа парила,
о том, что кто-то дарил полмира.
Сегодня скупое в моей тарелке,
и мысли – гадки, и чувства – мелки.
Друзья уходят, не попрощавшись,
закончен пир так и не начавшись...

О чём сегодня шепчет ветер,
гуляя за моим окном?
Рассвет так долгожданно светел
и полумрак покинул дом.

И я, забытая друзьями,
всё так же больно одинока...
Дорога пролегла меж нами?
Небес всевидящее око?

Я знаю – грусть моя напрасна.
Проходит всё. Пройдёт и это.
Но проступают чем-то красным
слова в тетради у поэта.

Знаешь, жизнь закончилась вчера.
Потому что одиноки вечера.
И в проём открытого окна
только старость медленно втекла.
Грусть на дне хрустального бокала.
Жизнь, тебя всегда мне было мало!
Выпито вино страстей вчерашних.
Мне б уснуть, не разбудив домашних.
Обо всём забыть пришла пора.
Жизнь всегда кончается вчера.

Перечитывая Паустовского...

Слово, оно как пуля.
Так больно умеет ранить.
И от дождей июля
осталась тоска на память.

Слезы приходят сами.
Строчки плывут, качаясь.
Там, за семью морями
юность моя осталась.

Томик на старой полке,
папой подаренный в детстве
и слова, как осколки –
больное моё наследство.

В наш век других технологий
забыты давно «телеграммы»,
а их, в тоске и тревоге
ждут до конца наши мамы...

Пугает сменой поколений
мой беспокойный грозный век,
и обнаженностью коленей,
и устьями усохших рек.

И книгами в цветных обложках,
где нет ни мыслей, ни огня,
где всё поверхностно и ложно,
где всё не трогает меня.

И этот слог из подворотен,
убогий русский, скупость фраз.
Пусть этот путь бесповоротен,
он всё же не сломает нас!

Боже, какие сегодня нравы,
правые, левые – все не правы,
кто мне сегодня крикнет «Браво!»,
если на это имею право.
Что-то в кастрюле так бурно варится,
завтра опять наступает пятница,
так наступает в бою пехота,
к горлу так подступает рвота.
Сижусь одна, в пустой квартире,
плачу по счетам я нахальной Лире,
она приходит ко мне без спроса,
и часто меня оставляет с носом,
уходит молча – всегда по-английски,
повадка волчья в нагрузку близким.
Нет, не дождётесь хандры припадка,
я день допью до его остатка.
А завтра грусть в никуда покатится,
а завтра пусть наступает пятница...

Мы вырастаем из своих одежд,
и складываем их на дальней полке,
мы вырастаем из своих надежд
и подбираем мелкие осколки
от счастья, что разбилось по пути,
рассыпалось гербарием вчерашним,
и в памяти пытаемся найти
себя не в прошлом, только – в настоящем.
А где-то распускается миндаль
и паруса по-прежнему крылаты,
но что мы видим, вглядываясь вдаль,
перебирая времена и даты?
И что мы оставляем за собой?
Цветущий сад иль выжженное поле?
Мелодию любви играл прибой,
мелодию любви... и боли...

Две утренние молитвы...

Два мира на исходе ночи,
два мира, но один рассвет.
И кто-то нож кровавый точит
и злобой полнит минарет.

А кто-то тихую молитву,
как клятву верности Творцу
читает. За Израиль битву
он не уступит подлецу...

На руинах истории...

На руинах истории
новый построили дом.
Что труды эти стоили?
И кто поселился в нём?

И трёх поколений мало
чтобы забылся ад
ГУЛАГа и Валаама,
стоны и боль солдат.

А мы всё то же мясо.
но для других властей.
Врут и закон и ряса,
врут колонки «Вестей».

По сути – нет покаяния.
На всех один позор.
Страх – генное состояние,
рабский покорный взор.

Наследие

памяти жертв ГУЛАГа

Пусть правда обнажится до кости.
Сдирая кожу, обнажаем душу,
Иначе век позор в себе нести,
на некогда огромном месте суши.
Пусть правда обнажится и тогда,
одетые в лохмотья арестантов,
почувствуем – кровавая вода
к нам подступает из фантазий Данте.
Но этот ад реальнее, чем жизнь,
он давит нам на сгорбленные плечи,
и потому глаза не смотрят ввысь,
и потому мы водкой души лечим...

Письмо из 37-го...

Мышцы свело от злости.
Скрутили. Назвали врагом.
Дальше – ломали кости
чёрным кованым сапогом.

Побои до полусмерти.
С колен уже не встать.
Потом принесли в конверте
что-то мне подписать...

Уже не увижу небо.
Вся жизнь, как один глоток.
Прости, что я сильным не был,
и подлость взвела курок.

Вспыхнут над бездной звёзды,
чтобы погаснуть вмиг.
Ведь рано или поздно
стон переходит в крик...

Подъезжая к Хайфе...

Не трави меня своим дыханием,
сильный город, ты со мною груб!
Что ты мне ответишь в оправдание
черной дымке из гигантских труб?
Облака на небе – жутким месивом,
только *это* мне мешает жить,
может быть, тоска бельё развесила
на ветрах приморских подсушить.
Мне глаза печалят эти странности,
серый дым мне разъедает плоть,
может это – признак близкой старости,
ну, а может, всё наоборот!

Из страшных снов моих и из пророчеств,
не замечая блеск и прелесть дня,
чудовище из тысяч одиночеств
который год преследует меня.

Не помогают ни стихи, ни песни,
ни музыки волнующий аккорд,
идти по жизни с ним навеки вместе
идти из века в век, из года в год.

Из тысячи проклятых одиночеств
в себе мне победить хотя б одно.
Но не умею. Снова призрак ночи
влетает в незакрытое окно.

Вадиму Халуповичу

Нетвердой походкой, но прямо и гордо,
Вы шли, улыбаясь, с достоинством лорда,
над Вами смыкался в значении свет,
Вы шли через сто поэтических лет,
Вы шли через сто поэтических дат,
как истинный рыцарь в сиянии лат,
Вы шли, поднимаясь над страшною бездной,
которая нам посылает болезни,
которая нам посылает сомненья
и рушит и судьбы и стихотворенья.
Но вечность умеет и в миг поместиться.
И рыцарь к любимой своей возвратится.
И руку подаст в гололёд или в дождь:
«Держись за меня, ты сейчас упадешь»

Ветры пустынь...

Разные ценности. Разные мерки.

И маски: злодейки и лицемерки.

Мир обескровлен и обезвожен.

Торг бесполезен, торг невозможен.

Пятна на солнце. И грязь у порога.

Мы забываем величие Бога.

Дуют опять злые ветры пустыни,

заносят песком дома и святыни.

Каменным душам здесь жарко не будет.

Может быть, камни останутся людям?

Жаром пустынь обожженное тело,

я, как и душу спасти не сумела.

Хайфе...

Солнечный город к вечеру стих,
неоновый свет фонарей,
а на бумагу просится стих,
о бренности прожитых дней.

Бумага всё стерпит. Какое ей дело,
что свечкою жизнь лишь мгновенье горела,
что с детства меня волновали закаты,
что вечно считала себя виноватой...
Что мне не хватило ни сил, ни отваги
излить гамму чувств хоть листочку бумаги.

Я РАЗГОНЯЮ ТУЧИ

Выйти за грани света,
и далеко от Земли,
из звёзд собирать букеты,
и их делить меж людьми.

Выйти, и стать свободной!
От правил, любых клише,
и от тенденций модных
дать отдохнуть душе.

Я разгоняю тучи,
чёрные тучи зла.
Сверху мне видно лучше —
значит, я мир спасла...

Жизнь состоит из мелочей!
Как это мне знакомо!
Из брошенных тобой ключей,
когда ушёл из дома.

Жизнь состоит из мелочей,
из слёз, из хлебных крошек,
из первых солнечных лучей,
из платица в горошек.

Жизнь состоит из мелочей,
что радуют и ранят.
И только талый воск свечей
хранит мне эту память...

Кто с посохом, а кто с кнутом,
а кто – с котомкой.
По миру бродишь ты шутом,
поёшь не громко.

Звучат далёкие шаги
в ночном эфире,
и где друзья и где враги -
понятно лире.

Ложились музыкой в тетрадь
душа и слово,
ты только так могла летать
и падать снова...

Ожидание дождей

Я так давно устала от разлук,
от этих бесконечных расстояний
и без того семейный узкий круг
сужается тоской непониманий.

Я там и здесь. Я вечный дежавю,
я пропадаю между городами,
я знаю, что тебя не долблю
из-за дождей, что встанут между нами.

По-прежнему тепла моя рука
и я всё та же, несмотря на осень,
короче и мудрей моя строка,
но мы дождей с тобой не переносим.

И кажется, что осень навсегда
и ночи одиночества опасны,
нам мстят с тобою даже города.
За что и почему? Лишь мне не ясно.

Всё, что придумано мною – пустяк.
Так, мимолётная шалость,
так же кичится монетой бедняк,
что в старых штанах заваялась.

Всё, что задумано мною вчера –
сегодня уже не возможно,
не говорите, что проба пера,
ведь это понятие ложно.

Дождь за окном. Удивительный май!
Судьбу поменял и погоду.
Я выбираю и ты – выбирай
стили, метафоры, моду...

Дочке...

Нас будто стена разделила,
холодная, серая, злая.
Ты – частица другого мира,
Для которого я – чужая.

Биться лбом о сырую стену,
чтоб хоть как-то понять тебя,
что ещё обещает телу
наступление сентября?

Мы друг друга давно не слышим,
в этом суть и причина бед.
Разным воздухом рядом дышим
Сто, а, может, тысячу лет.

Мы боль запиваем чаем,
молча обиды жуём,
главного не замечаем,
и панькаемся с жульём.

В душах – темно и пусто,
утрачен свободы вкус,
и наполняем чувства
подделками от искусств.

А где-то звучат свирели,
и ангелов голоса,
там души не обмелели,
там верили в чудеса...

Я придумала свой
апельсиновый рай.
Заходи, мой родной!
Всё – твоё! Выбирай!

Моря синюю гладь,
или неба простор.
Почему же опять
ты крадёшься, как вор?

Почему так бесшумны
объятая, шаги?
Мы всё так же безумны,
всё те же враги ...

Из тысячи различных аномалий,
страшна лишь аномалия души.
Иди по морю, не снимай сандалий
и сделать что-то важное спеши!

Из тысячи различных аномалий
боюсь лишь аномалии души.
Простить бы всех, всех тех, кто предавали.
И тех, кто продавался за гроши...

Подслушанные ночью стоны
уходят ввысь.

Со скрипом катятся вагоны
с названьем «Жизнь».

И я брожу по тем вагонам:

– Подайте, братцы!

Я – нищенка! И мне законно
здесь побираться.

Все потому, что не хотела
жить материальным,
душа, горящая вне тела
огнём сакральным...

Мысли... Они как нити.
Ярких цветов и тусклых.
Изредка на иврите,
чаще всего на русском.

Мысли... Они как путы.
Свяжут тебя в ночи.
И кричат лилипуты.
А ты, великан, молчи!

Мир кончается на пороге
собственного «я»,
как здесь интерьеры убоги,
как тяжела земля.

Нет ни крика, ни стона.
Призраков тихий шаг.
И не блестит корона.
И не смеётся враг.

Привычка ли? Движение планет?
Влияние Земли Обетованной?
Но в марте пробуждается поэт,
чтоб залечить полученные раны.
И хочется забыться и забыть
обиды, склоки, чью-то злую зависть.
Опять на «ты» с весною говорить
и вглядываться в молодую завязь.
И хочется потрогать облака,
быть может, нарисованные мною,
пока ещё дышу я и пока
умею разговаривать с весною.

Когда кончается весна,
пора иллюзий и улыбок,
и обнажается десна
от сделанных тобой ошибок,
когда зуб мудрости давно
покинул твой не детский рот,
и незнакомое кино
ты смотришь, зная наперед,
все монологи героини –
тогда приходит твой черед,
сидеть на этом героине,
наркотике летящих рифм,
когда тобой владеет слово,
и ты, о времени забыв,
в мелодии находишь снова
вопросы. А ответов нет,
они задуманы не нами,
и спрятанный в шкафу скелет
тихонько бряцает костями...

Мы выбираем города,
страну и трудные дороги
и ошибаемся... тогда
нам кто-то пишет эпилоги,
и послесловия для книг
не изданных и незаметных,
в которых наш последний крик
звучит как тяжкий вздох предсмертный...
Мы выбираем этот путь
из точек, запятых,
быть может, вспомнит кто-нибудь
мертворожденный стих...

Точка Перельмана

*«Если мы растянем такую резинку на плоскости
и отпустим, она немедленно стянется в точку
(из объяснений теоремы Перельмана)»*

Вселенная – одна большая рана,
которую лечить нам суждено.
И где-то жуткой точкой Перельмана
появится чернильное пятно.

И страшно думать – всё, что я любила,
Всё – чем дышала, всё – чем я жила
в какой-то точке черного чернила,
в какой-то точке черного пятна.

Рождаются и гаснут все светила.
Дорога в небо и без них видна.
Вы, главное, не проходите мимо
черного чернильного пятна.

Картина мира

Новая крепость пала без боя,
захвачен мой дом и разрушена Троя,
философ задушен, поэт – обезглавлен,
художник повесился, загнанный травлей.
Печальна картина погибшего мира,
разбросаны кости последнего пира.
Цветок, что тянулся к свободе и свету
плывёт по теченью в скорбящую Лету.
Люди и маски. Любовь и коварство -
всё существует в своём постоянстве,
всё существует и рушатся стены,
режут поэты вспухшие вены.
И капает кровь на старые доски.
Жизнь – это сцена из грязных подмостков...

лит. журналам, не отвечающим на письма...

Забывчивость – не про нас.
Мы оба – сплошное усердие.
Но я понимаю вас,
ваше жестокосердие.

Стираете исподтишка
мысли мои и чувства,
самую суть стишка
не понимать – искусство.

Поэзия режет вены,
и жилы на части рвёт.
Так будьте благословенны,
и музыка к вам придёт...

Чёрно-белые фотографии...

Чёрно-белые фотографии...

Это прошлого яркий свет,
Лица, судьбы и биографии,
и истории нашей след.

Чёрно-белая наша память!

Чёрно-белая наша жизнь!

Только черный на нас не давит,
только с белым стремимся ввысь!

Нас цветные ведут рассветы,
умываемся их росой,

жизнь умчалась дорогой в лето
чёрно-белую полосой.

От рождения и до тризны
мы проходим нелёгкий путь,

чёрно-белые наши жизни
зафиксирует кто-нибудь...

Цветаевский мотив

Где вы, сплошные дуэлянты
былых страстей?

Где ваши яркие таланты
минувших дней?

Вы, музыканты и поэты,
и мудрецы,

где ваши зимы, ваши лета
и где венцы?

Где ваши чувства, где мотивы
Судьбы и Рока?

В руках у современной дивы
был томик Блока...

Зачем искал ты в тревожном сне
черты забытого лета?
И в грустном шепоте слышались мне
слова великих поэтов...

А на пороге давно весна,
на сердце светло и ясно,
забудь про все предрассудки сна,
по-прежнему жизнь – прекрасна!

*Памяти Мстислава Ростроповича
и Галины Вишневской*

Любовь не исчезает в никуда,
вливается в другое измеренье.
Бегут вперёд минуты, дни, года,
ей смерти не страшны прикосновенья.

И пусть прошла ее земная жизнь,
не слышен голос и замолкли струны,
в одну звезду на небе две слились
и погасили все другие луны.....

Забывтое кино...
все в черно-белом цвете,
но нам с тобой дано,
понять мотивы эти:

гитарная струна,
наигранная драма,
далёкая страна
экранного обмана.

Забывтое кино
и смех и голоса
актёров, что давно
живут на небесах.

Их вечная тоска
с моей соединится...
и белого листка
заполнены страницы.

Поэзия, не уходи!

Мы ничего не потеряли,
за веком наступает век,
и их серебряные дали
тревожат нас дрожаньем век,

тревожат нас слезой гремучей,
и болью острою в груди.
Строфа, волненье, мысли, случай...
Поэзия, не уходи!

Не уходи, разгонит тучи,
свободный ветер точных рифм,
мелодией былых созвучий
всю серость мира победив.

Всё остаётся людям.
шепот ночной тиши,
звуки дождей и буден,
голос моей души.

Всё остаётся. Может,
чистой росой на траве,
мелодией, что тревожит,
и вертится в голове.

Умею любить и верить,
пусть песни мои тихи,
жизнь буду шагами мерить
и сочинять стихи...

***ВСЁ СИЛЬНЕЕ ХОЧЕТСЯ
ЖИТЬ...***

За кроны зацепились облака.
Так мы с тобой цепляемся за жизнь
пока мы существуем и пока
на белый лист мы переносим мысль.

А дальше что? Быть может, пустота,
пугающая бездной и разломом,
но пару строчек с этого листа
останутся животворящим словом.

Я надеваю спасательный круг
из самых любимых песен,
и шторма, что приходят вдруг –
уходят в другие веси.

И не ранит зависть подруг,
и жало соседских сплетен,
я надеваю спасательный круг
и мир по-прежнему – светел...

На скатерти неба – звёзды,
как разноцветные блюдца,
и рано или поздно
надежда должна вернуться.

Мы станем с тобой моложе,
терпимее и добрее,
мы новые песни сложим
о том, как промчалось время.

Украсим наш сад цветами,
на окна – новые шторы,
надежда, живущая с нами –
главная точка опоры.

Г.Ш.

Дайте воздуха в клетку!
Душно и одиноко.
Мне бы – птицей на ветку,
Мне бы – ангелом к Богу.
Мне бы – ночи безумства,
мне бы – вальс на паркете.
Но кончаются чувства
в жарком огненном лете...

И.И.

Объятья стального града,
и тяжесть от серых плит.
Седьмой этаж не преграда,
если душа парит.

Нет ни границ, ни предела,
и расстояний нет.
Дух, он сильнее тела.
Этим живёт поэт.

И я отличу твой остров
от тысячи остальных.
Мне это сделать просто...
Боль. Тихий стон. И стих...

М.М.

В тебя вливаю свой сладкий яд,
бессонных ночей горение,
я унесу тебя в рай ли, в ад
потоками вдохновения.

И ты безропотно всё впитаю,
до самого самого дна,
увидишь совсем другую явь
в привычном проёме окна.

Пусть за окном проходит ночь
шепотом, криком, воем...
но дай мне шанс тебе помочь
больше не быть изгоем.

*«Острова не только в океане,
Мы с тобою - тоже острова»*

Марк Азов

Острова нашей юности
и любви острова,
где, не ведая мудрости,
обитали слова.

Где нет мыслей о старости,
о печати морщин,
где дарили мне сладости
сто влюблённых мужчин.

Вы стираетесь временем,
беспощадно, всерьёз.
В океане потеряны
острова наших грёз...

Отгородиться от себя.
Закреть замками створки сердца.
Холодным солнцем декабря
не отогреться.

Оно не греет. Просто так
торчит на сером небосклоне,
его нечищенный пятак
утонет в поле...

Отгородиться от других
и спрятать мысли за забором –
бесшумно подкрадётся стих
умелым вором.

М.М.

Ты не хотел со мной делить
бессонных ночей отраву.
Я не могу, не хочу судить.
Я не имею права.

Ты не хотел со мной делить
ни ритмы, ни звуки строчек,
и оборвалась тонкая нить,
и между нами – прочерк.

Так умирала в нас любовь.
Мучительно, слишком больно.
Ты не хотел больше нежных слов.
Да и с меня – довольно...

Не надо ссориться,
ведь нет измен.
Душа – невольница,
но сладок плен.

А в мире этом
так много врут,
любить поэта –
тяжелый труд.

Пылает лето.
Так душно здесь.
любить поэта
тяжелый крест.

Ю.К.

Мы две половины
одной неизбежности
и плавятся льдины
от собственной нежности.

Мы спаяны прочно –
особый состав.
Бессонною ночью
ругать не устал?

Мы две половины.
как горы и лес,
мы – вместе. Едины,
как своды небес.

Шипы мы и розы
одной неприютности
и катятся слёзы
от собственной глупости...

Грустный клоун! Что не спится?
Капает из глаз водица.
Жизнь – дизель да бемоли.
Все шуты мы поневоле.

Кто-то – в зале, кто – на сцене.
Разные мечты и цели.
Разные глаза и лица.
Разностью должны гордиться.

Все мы лишь комедианты.
Все. И нищие и франты.
Кто во фраке, кто – в обносках,
в жизнь играем на подмостках.

Ну, зачем же, вы так, ну, зачем же.
Всё у нас было с вами всерьёз.
Отстирала от пятен одежды.
Иссушила глазницы от слез.

Я убита давно равнодушьем.
Этих глаз леденящая бездна.
Я учусь становиться послушной,
а иначе я просто исчезну.

Потеряется маленький остров
в океане обид и тревог.
Да, понять меня было не просто.
Так учитесь читать между строк...

Мой ангел стоял у входа
и охранял покой.

Главная наша свобода –
быть самим собой.

Душа остаётся в детстве.
Фантазий наивный страх.
С детством своё соседство
как не убить в мечтах.

Море увидеть в луже.
Радугу в небесах.
Всё, что нам в жизни нужно –
в детских остаться снах.

Ну, зачем тебе злиться?
объясни, для чего?
Ты читаешь по лицам
нашей жизни кино.

Ты читаешь по строчкам
наших будней рассказ:
недосказанность точек...
недосказанность фраз...

Жизнь похожа на тленье.
И мне страшно сейчас.
Где былое горенье?
Где сияние глаз?

Где стремительный почерк,
строф особый размер?
Одиночество строчек.
Одиночество тел...

Ю.К.

Неважно: вместе или врозь
через года.

В меня давно корнями врос
ты навсегда.

И я, впитавшая твои
земные соки,
пою сегодня о любви
всегда высокой.

Ты смог услышать стон и крик
через пространство,
и я благословила вмиг
тебя на царство.

Памяти Марины Цветаевой

Сколько пройти должно зим и лет?
ведь целого века мало,
чтоб притупить эту боль, поэт,
боль, что в себя ты впитала?

Я пред строкой твоей молюсь,
как пред иконой...
ты, впитавшая боль и грусть,
смотришь Мадонной.

Тысячи бурь и кровавых рек
нас навсегда разделили.
Марина! И в двадцать первый век
Благословенное имя.

Тишина

Когда ко мне опять приходит ночь
и накрывает влажным покрывалом,
я вечный страх стараюсь превозмочь,
свой вечный страх, что жизни слишком мало.

И разделяя время и пространство
на тысячи невидимых частей,
калейдоскоп пугает постоянством
и переменой главных плоскостей.

Какая вдруг появится картина?
Какая дверь откроется вдали?
Затишье перед бурей... и лавина
потом всегда сметает корабли.

Мы идём с тобою – рука к руке
по пенистой кромке прибоя.
Мы говорим на одном языке –
на языке моря.

А здесь вокруг столько разных лиц,
слов и наречий,
мы говорим языком страниц –
согласий, противоречий...

А здесь вокруг столько разных глаз –
пустых, наполненных, светлых.
На языке самых нежных фраз
мы говорим с ветром.

Мы на разных планетах.
Мы в разных с тобой мирах.
Нелегко быть поэтом,
парить на семи ветрах.

Сказкой, балладой, былью
мучить свой бедный мозг,
быть всего лишь пылью,
пятном, что оставит воск...

Свечи давно погасли.
Даже сомненья спят.
Между любовью и страстью
ты навсегда распят...

Христос, Магомет и Будда –
Каждый из них поэт...
И я другой не буду
и через сотни лет.

День начинается просто.
Ты только глаза открой.
Гномы огромного роста
с тобою вступают в бой.
Тебе плевать на величье,
На звания, на размер –
Свободен до неприличья,
до неприличья смел.
Там, где кончаются чувства –
там лишь ремесло живёт.
В доме светло и пусто
и ветер в окне поёт...

Я сегодня бескрыла.
Одиночества лёд.
Всё, что в тебе любила,
завтра во мне умрёт.
Запах, дыханье, руки,
голос твой, взгляд и смех –
я отдаю разлуке,
я отдаю навек.
Все у нас слишком сложно.
Целый клубок проблем.
Жить без тебя возможно,
только скажи – зачем?..

Хочешь забыть закат?
Хочешь забыть рассвет?
От одиноких дат
знаю, спасенья нет.
Хочешь забыть уют?
Дом, что тебя согрел?
Песни дожди поют...
О, неприютность тел!
О, неприютность душ!
Вечер дотла сгорел...
Ты мне ни друг, ни муж...

Мы начинали как *отцы*.
Мы были так с тобой наивны,
стихов неровные столбцы
пугали негой примитивной.
Промчались мимо сотни лет,
ты про стихи забыл навеки,
а я сижу – смешной поэт
и вечность давит мне на веки.
За километрами дождей
в чём разность наша? В чём похожесть?
Мы потеряли мир людей
с чувствительной и нежной кожей.
Теперь пою я невпопад,
мой камертон души не слышу
и точно знаю – камнепад
стучит по крыше...

М.М.

Ни добра, ни зла
не несла тебе,
так зачем была
я в твоей судьбе?
Так зачем цвела
за окном сирень?
Так зачем пила
я обмана хмель?
Ты не мог понять,
потому что - слеп,
ты не мог отнять
мой фамильный склеп...
Ты не мог понять
и простить не мог,
безысходность дат,
безысходность строк.

Зачем копать в прошлом? На беду
ты верил не моим губам горячим,
а призракам холодным и незрячим
в моём саду.

Зачем копать в прошлом? На беду?
Чтобы друг друга посильнее ранить?
Пусть ластиком стирает лица память
в ночном бреду.

Зачем копать в прошлом? На беду...
На кладбищах любви всегда так тихо.
И не услышать стона или крика
в земном аду.

Ты был главным причалом
в моей судьбе,
ты был важным началом
в моей борьбе.

Всегда многоточьем
в лучших моих стихах,
надежным и прочным,
изгоняющим страх.

Где былые порывы?
Строк летящих размах?
Тихо плакали лиры,
превращенные в прах...

Вечерний воздух мягок и тягуч
и липнет к влажной коже.
И горизонт – ни облачка, ни туч,
на серый шелк похожий.

Твоё окно – кто в этом виноват,
сегодня как Малевича квадрат
и чернота его закономерна -
я думала и поступала скверно.

Но всё-таки, дождись, придёт пора,
на яркий свет слетится мошкара,
и ты забудешь одинокий ужин.
Пока ты есть. Пока ты жив. Пока ты нужен...

Мир держится на трёх китах –
неоспоримо:
на море, солнце, облаках,
летающих мимо.

Есть ум, величие души –
есть понимание.
Слова, рожденные в тиши,
как наказание.

Есть этот неподъёмный груз
метафор... истин...
Скольжение эфемерных муз
у входа в пристань.

Есть во мне непонятная сила,
от которой бросает в дрожь.
Я, наверно, в себя вместила
это поле и эту рожь...

Эти краски цветной долины,
галилейской земли холмы,
эти песни самой Далилы,
эти камни из царства тьмы.

И живёт во мне вечным светом,
Всё, что было и будет впредь.
Я пришла и уйду поэтом.
Это – боль. Это – жизнь. Это – смерть...

Мысли были умней меня –
старички в детских шортах.
В жизни есть полоса огня –
линия горизонта.

Мысли были умней меня,
и жили своим умом...
Крылья придумали для коня,
чтобы умчаться на нём...

Откровение

Видишь, тучи над морем бесятся,
солнце спряталось за горизонт
и зовёт подвесная лестница
в неизвестный далекий порт.

Капли светятся бликами, искрами,
в неземную нас жизнь маня,
я хочу быть с тобою искренней,
я надеюсь – поймешь меня.

Всё, что сказано – за кавычками,
междометьями и запятыми...
Жить устала я лишь привычками,
обжигаясь словами пустыми.

Видишь, тучи над морем бесятся
и зовут нас на свой шабаш.
Дни пустые слагаем в месяцы.
Век забвенья. Он нынче наш...

Картонных кукол так недолог век.
Конечный путь их – городская свалка
по истеченьи бурных лет и вех.
Мне их всегда... всегда безумно жалко.

Вот так и мы. Сыграв немые роли,
которые диктует наша жизнь,
отбудем на последние гастроли
дорогой ввысь.

Размажет время грим на наших лицах,
морщинами умножится печаль,
и мы, подобно большекрылым птицам,
умчимся вдаль.

Изящество разбросанных монет
наводит мысль о нашем первородстве
и ощущаешь острое сиротство
среди разбросанных по жизни лет...

Одни – блестят, сверкают позолотой,
Другие – незаметны и черны,
понятие одной величины
не оспоримо перед главной квотой –

они твои. Их нужно подбирать,
растаскивать по щелям и карманам.
И проживать их. Трезвой или пьяной...
Влюбленной в жизнь, умеющей страдать...

Мы всё-таки были с тобою
одной на двоих судьбою,
одною раненой птицей,
что так к облакам стремится.
Мы были одной слезою,
затишьем перед грозою.
Вздохом в ночной тиши,
крылами одной души,
одним дуновеньем, порывом,
шутя, управляли миром.
Загадкой из древней были
мы всё же с тобою были...

Понятье свободы – есть вдох и выдох.
Чем отличаются вход и выход?
В чем их похожесть и в чем различье?
Мы стали циничны до неприличья.
Жизнь – это склоны, холмы, ухабы.
Творец, творящий в большом масштабе
не видит малого. И не надо.
Наш первый вдох есть уже награда
душе и телу. А что же дальше?
Огромный мир из дождей и фальши.
Понятье свободы. Выдох. Вдох.
Свобода мыслей, полета строк.
Свобода чувств, желаний, песен.
Мир только этим мне интересен.

Все сильней хочется жить.
Этот воздух хмельной пить.
Видеть блеск любимых очей,
помнить жар бессонных ночей,
обещать, исполнять, любить,
Всё сильнее хочется быть...
Всё сильнее хочется стать...
Облака руками достать.
Всё сильнее, сильней, сильней
притяженье летящих дней,
всё острее ощущаю грусть.
Просто жить каждый день учусь...

Инна Костяковская,
Израиль,
Хайфа,
2013г

ОГЛАВЛЕНИЕ

Философия жизни и философия любви

Инны Костяковской (предисловие).....	3
Я ТАК ТОРОПИЛАСЬ ЖИТЬ.....	17
ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ.....	33
НОЧЕЙ БЕССОННЫХ МУКА.....	66
РАЗМЫШЛЕНИЯ.....	86
Я РАЗГОНЯЮ ТУЧИ.....	117
ВСЁ СИЛЬНЕЕ ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ.....	142